
«Все полагали, что он был отравлен»: формирование памяти о кончине великого князя Ярослава Всеволодовича (середина XIII – XVI в.)

Владимир Рудаков

«Everyone believed that he had been poisoned»:
formation of the memory of the death of Grand Duke
Yaroslav Vsevolodovich (mid-13th – 16th century)

Vladimir Rudakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25010025, EDN: AJCELZ

Биографии правителей средневековой Руси, как правило, реконструируются на основе фрагментарных свидетельств источников. Это касается не только второстепенных персонажей, но и крупных фигур своего времени – участников значимых исторических событий, родоначальников династий. К числу деятелей, многие факты биографий которых скрыты от глаз исследователей, относится великий князь Ярослав Всеволодович (1190–1246)¹, ставший в 1243 г. волей Батыя «старейшим» из правителей русских земель². Прежде всего это касается сведений о действиях Ярослава, относящихся к последнему десятилетию его жизни³. За тот период информация о князе особенно лапидарна и противоречива, а в отдельных случаях передана со ссылкой на третьих лиц. Так, по сообщению Ипатьевской летописи (*Ипам.*), в которой излагались слова «Ярославля человека» Сангора (Сынъгура), будучи в Орде, Ярослав Всеволодович по воле Батыя совершил языческие обряды, в частности, поклонялся «кусту»⁴. Другой пример связан с посланием папы римского Иннокентия IV сыну Ярослава Всеволодовича князю Александру Ярославичу от 23 января 1248 г., где понтифик со ссылкой на своего посла Иоанна де Плано Карпини сообщал о переходе Ярослава в католичество⁵. Другие источники ни ту, ни другую информацию не подтверждают, более того, в отчёте самого Плано Карпини, тща-

© 2025 г. В.Н. Рудаков

¹ Кучкин В.А. Ярослав Всеволодович // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедии. М., 2014. С. 922.

² ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 470. Как отмечал А.В. Экземплярский, «летописи вообще скучны на похвалу этому князю» (Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 18, примеч. 40).

³ Подробнее см.: Горский А.А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русских земли» (к 750-летию со времени написания) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) (далее – ТОДРЛ). Т. 43. Л., 1990. С. 30–32; Рудаков В.Н. Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича на Каменец (1239 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3(89). С. 15–31.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 807. Подробнее об этом: Горский А.А. Свидетели путешествия Плано Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения // Горский А.А. «Бещисленыя рати и великия труды...». Проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018. С. 177.

⁵ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 262–264.

тельно фиксировавшего всё увиденное или услышанное, речь о смене князем вероисповедания не шла.

Явная недостаточность сведений о деятельности великого князя дала Дж Феннелу основания Дж. Феннелу предположить, что последние годы правления Ярослава «были отмечены нехарактерной для него бездеятельностью, можно сказать, пассивностью с его стороны»⁶. Однако вряд ли дело обстояло именно так: «бездейственный» и «пассивный» князь за это время дважды съездил в ставку Батыя в низовьях Волги (в 1243 и 1245 гг.), побывал в Монголии на интронизации великого хана Гююка, проходившей невдалеке от Каракорума (1246 г.)⁷, и даже, судя по всему, успел в третий раз жениться⁸.

В данной статье затрагивается вопрос о событиях, связанных с кончиной Ярослава Всеволодовича, и их отражением в историописании середины XIII – XVI в. Н.И. Серебрянский отмечал, что лапидарность и неэмоциональность повествования о великом князе «особенно заметна в описании смерти Ярослава» в раннем русском летописании, прежде всего в летописании Суздальской земли, «как будто речь идёт не о великом князе Владимирском, а о каком-нибудь захудалом удельном князе!»⁹. Действительно, в рассказе Лаврентьевской летописи (*Лавр.*), созданном во второй половине XIII в. («тое же осени Ярослав князь сынъ Всеволожъ преставися во иноплеменницъх, ида от Кановичъ месяца сентября въ 30 на память святаго Григорья»)¹⁰, ничего не говорится о причинах смерти великого князя¹¹. В силу малой информативности сообщения *Лавр.* при решении вопроса об обстоятельствах кончины великого князя Ярослава историографическая традиция исходит в первую очередь из развёрнутого повествования «Истории монголов» Иоанна де Плано Карпини, в 1245–1247 гг. посетившего ставку Батыя на Волге, а затем резиденцию великого хана Гююка в Монголии: «В это время умер Ярослав, великий князь некоей части Руси, которая называется Суздаль. Его недавно пригласила мать императора, дала ему еду и питьё своей рукой, как бы оказывая честь; он вернулся туда, где он жил, немедленно заболел и умер через двенадцать¹² дней, а всё его тело удивительным образом посинело. Поэтому все полагали (здесь и далее курсив мой. – *B.P.*), что он был там отравлен, чтобы они смогли беспрепятственно и полностью владеть его страной»¹³. Сведения об отравлении

⁶ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 140.

⁷ В общей сложности Ярослав Всеволодович из восьми лет, проведённых на владимирском велиокняжеском столе, два года находился в поездках к монголам (*Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках*. Воронеж, 2013. С. 175, 414).

⁸ Горский А.А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37. Ср.: *Isoaho M. Polovtsy contacts in the house of Vladimir-Suzdal – John of Plano Carpini's Account of Prince Yaroslav Vsevolodovich's retinue in 1246* // ROSSICA ANTIQUA. 2014. № 2. С. 63.

⁹ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915. С. 172–173. Ср.: *Isoaho M. Op. cit.* С. 57.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

¹¹ По мнению современных исследователей, великий князь «умер не по пути домой, а всё ещё пребывая в ставке матери Гююка, и его кончина имела место в значительном отдалении от Каракорума» (*Хаутала Р. Ездил ли Александр Невский в Монголию? Несколько замечаний о поездках Александра Невского и его отца к монгольским правителям* // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 201–203).

¹² Согласно Вольфенбюттельскому списку; по версии Кембриджского списка – спустя семь дней.

¹³ Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Текст, перевод, комментарии / Под ред. А.А. Горского, В.В. Трапавлова. М., 2022. С. 185.

Ярослава Всеволодовича зафиксированы также в созданной до конца XIII в. галицко-волынской летописи, согласно которой татары «Ярослава, великого князя Суждальского, зелиемъ умориша»¹⁴. Не противоречат версии об отравлении и сведения более поздних источников XV в. – Жития Александра Невского в редакции Софийской первой летописи старшего извода (*С1*) и в так называемой Особой редакции, схожей с *С1*, а также зависимых от них летописных и агиографических произведений¹⁵. При этом там сообщаются и новые существенные подробности произошедшего, о которых не шла речь в источниках более ранних, в частности, что великий князь перед смертью был оклеветан перед великим ханом неким Фёдором Яруновичем («обажень бо бысть Феодоромъ Яруновичемъ царю»), после чего Ярослав Всеволодович «многы дни прeterпъвъ», «преставися... в Ордъ» «нужною смертью»¹⁶.

Обстоятельства смерти великого князя многократно становились предметом научного анализа. Исследователи по-разному оценивали информацию, имеющуюся в их распоряжении, в частности высказывались сомнения в достоверности рассказа Плано Карпини. Прежде всего это касалось мотивов убийства князя, о которых сообщал папский посол. Ещё Н.М. Карамзин писал, что «моголы, сильные мечем, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых»¹⁷. Вслед за ним С.М. Соловьёв отмечал, что «догадка Плано Карпини о причине отравления Ярослава невероятна, ибо смерть одного Ярослава не переменяла дел на севере, следовательно, не могла быть полезна для татар, которым надобно было истребить всех князей, для того чтобы свободно владеть Россией»¹⁸. Несмотря на это, основоположники отечественной историографии, а вслед за ними и большинство более поздних исследователей, с доверием отнеслись к комплексу свидетельств источников, которые, по их мнению, подтверждали версию об отравлении великого князя¹⁹. Более скептически к традиционной трактовке произошедшего отнёсся Феннел, отметивший, что «любое объяснение этих событий может быть только гипотетическим», и не исключивший, что «Ярослав на самом деле просто умер естественной смертью, не выдержав тягот обратного пути, как это произошло со многими из его свиты по дороге в Каракорум». Впрочем, несмотря на это, и Феннел полагал, что версия об отравлении, выдвинутая Плано Карпини, «выглядит наиболее вероятной»,

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.

¹⁵ Горский А.А. Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодича // Горский А.А. «Бещисленыя рати и великия труды...»... С. 158; Духанина А.В. Рукописная и старопечатная традиция Жития Александра Невского // Благоверный великий князь Александр Невский. Блистая слово на земле и на Небесах. М., 2021. С. 99–112.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 325–326; Мансикка В.Й. Житие Александра Невского. Разбор редакций и тексты. СПб., 1913. С. 13.

¹⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 23.

¹⁸ Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 147.

¹⁹ Экземплярский А.В. Указ. соч. С. 18; Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 239; Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, 1997. С. 149; Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 205; Карагалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 138–139; Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 267; Кучкин В.А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 27; Карпов А.Ю. Батый. М., 2011. С. 199; Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты... С. 175; Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. СПб., 2018. С. 156 и др.

поскольку папский посол «находился там в это время, и для него не составило бы труда получить сведения от спутников Ярослава»²⁰.

Крупным шагом вперёд в изучении обстоятельств смерти Ярослава Все-володовича стал цикл работ А.А. Горского, убедительно показавшего, что значительную часть сведений, касающихся русских земель и их правителей, папский посол действительно получил от русских, с которыми встречался во время путешествия, и в этом смысле «взгляд на завоевателей, присутствующий в “Истории монголов”, – это в значительной мере русский взгляд, пропущенный через восприятие францисканцев». Горский подробно проанализировал круг информаторов Плано Карпини²¹, а также показал, что зачастую мнения собеседников папского посла формировались на основе их собственных фобий и предубеждений, а вовсе не объективной информации²². Исследователь сформулировал гипотезу о том, кем в действительности мог быть упомянутый в *C1* и связанных с ней источниках Фёдор Ярунович, «обадивший» великого князя²³.

Одной из немногих работ, ставящих под сомнение «классическую» версию об отравлении великого князя, стала вышедшая несколько лет назад статья Л.В. Воротынцева и Т.Р. Галимова. Они привели примеры сознательного исказжения информации со стороны Плано Карпини, который «был заинтересован в такой подаче материала, которая могла бы быть использована в дальнейшем для политico-дипломатических действий католической церкви», и пришли к выводу, что сообщение о «якобы произошедшем отравлении Ярослава Все-володовича» могло иметь «политически ангажированную подоплёку»²⁴. Исследователи допустили, что имеющееся в поздних источниках определение смерти великого князя как «нужной» не обязательно означало её насильственный характер, и что у имперских властей не было мотивов убивать русского князя, в том числе при помощи яда²⁵. К крупным минусам этой работы стоит отнести то, что её авторы, анализируя более поздние известия о «нужной смерти» князя, апеллировали к сообщениям Московского летописного свода конца XV в.²⁶, тогда как там лишь повторялись сведения, содержащиеся в *C1*. Кроме того, поставив задачу осуществить «внутреннюю критику» источников, исследователи так и не вышли за рамки анализа сообщений «Истории монголов» и *Инам.*, оставив без внимания соответствующую статью *Лавр.*, а также информацию, содержащуюся в *C1* и ряде других летописных и агиографических памятников.

Между тем и сторонники версии об отравлении, и их немногочисленные оппоненты при оценке обстоятельств смерти Ярослава Все-володовича пре-

²⁰ Феннел Дж. Указ. соч. С. 140.

²¹ Горский А.А. Свидетели путешествия Плано Карпини... С. 170–181; Иоанн де Плано Карпини. История монголов... С. 191–192, 332–340 (коммент. 62 к главе IX).

²² Горский А.А. Об обстоятельствах гибели... С. 163–168; Иоанн де Плано Карпини. История монголов... С. 185, 324–330 (коммент. 48 к главе IX).

²³ По мнению исследователя, Фёдор Ярунович – сын Яруна, воеводы князя Мстислава Мстиславича (Удатного), не раз сражавшегося против Ярослава Все-володовича (Горский А.А. Об обстоятельствах гибели... С. 159–161, 164–165).

²⁴ Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Нужная смерть» великого князя: к вопросу о причинах и обстоятельствах кончины Ярослава Все-володовича осенью 1246 г. // Золотоординское обозрение. Т. 11. 2023. № 3. С. 570–572. Ср.: Юрченко А.Г. Золотая Орда. Между Ясой и Кораном. Начало конфликта. СПб., 2012. С. 268.

²⁵ Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Нужная смерть»... С. 575–576.

²⁶ Там же. С. 565, 570.

жде всего руководствовались соображениями общего порядка либо прибегали к синтезу информации, находящейся в разных (часто асинхронных по отношению друг к другу) источниках, не уделяя достаточного внимания анализу её происхождения и смысловой направленности. При этом вопросы о том, каким образом на разных исторических этапах формировалась память о последних днях жизни великого князя, а также как сложившиеся на протяжении веков представления о нём самом влияли на последующее изложение обстоятельств смерти Ярослава Всеволодовича, в науке не ставились. Попробую дать на них свои ответы. В основе данной работы лежит представление о том, что мы имеем дело с несколькими, часто не сводимыми один к другому этапами формирования памяти о событиях, связанных со смертью великого князя. Чтобы понять, на основе чего формировалась эта память, стоит более внимательно рассмотреть информацию каждого из имеющихся источников, а также проанализировать их связь с сообщениями житий святых князей, окончивших свой земной путь либо в Орде (Михаил Черниговский и Михаил Тверской), либо по пути «ис татары» (Александр Невский).

Первый этап формирования памяти о кончине Ярослава Всеволодовича был связан с информацией, отразившейся в «Истории монголов». Ценность свидетельств её автора обусловлена тем, что Плано Карпини лично встречался в ставке хана с великим князем и многими другими упоминаемыми в «Истории» лицами. И хотя францисканец писал о том, что «мы, руководствуясь истиной, записали вышеизложенное – *всё, что видели сами или слышали от других, кого мы считали заслуживающими доверия*, чёму свидетель Господь, *ничего сознательно не добавляя*²⁷», в полной мере доверять этим словам не стоит.

О том, как папский посол работал с источниками информации, свидетельствует, например, сообщение о готовящемся монголами во главе с великим ханом Гююком походе на Запад против христианского мира. Его начало якобы было запланировано великим ханом едва ли не на следующий день после кончины Ярослава Всеволодовича, о чём, как отмечал посол, «*нам сказали другие люди, которым была известна истинна*²⁸». Одновременно Плано Карпини (причём также со ссылкой на источники, внушавшие ему полное доверие) сообщал о стремлении великого хана... принять христианство: «*Говорили нам христиане из его слуг, что они твёрдо верят*, что он, по-видимому, станет христианином. И у них есть в пользу этого ясное доказательство, что он держит при себе христианских клириков и предоставляет им содержание²⁹». Таким образом, в «Истории монголов» Гююк противоречиво показан как человек, готовивший поход «против Церкви Божией» и всего христианского мира³⁰ и при этом намеревавшийся стать христианином.

Иногда Плано Карпини представлял единичные события в качестве проявления общих тенденций. Со ссылкой на казус Михаила Всеволодовича Черниговского он сообщал, что монголы «*подыскивают предлоги для убийства*» правителей других стран, или что они одним «*позволяют уйти и отпускают, чтобы те приманили других*», а «*иных губят отравленными напитками*» (в этом случае, вероятно, имелся в виду казус Ярослава Всеволодовича, тоже уникаль-

²⁷ Иоанн де Плано Карпини. История монголов... С. 192.

²⁸ Там же. С. 165, 185.

²⁹ Там же. С. 188.

³⁰ Сведения Плано Карпини относительно захватнических планов Гююка в отношении Европы не находят подтверждения в других источниках (Там же. С. 255 (коммент. 31 к главе V)).

ный в своём роде). Из того же ряда и его сообщение, что «у тех же, кому они позволяют возвратиться, они требуют сыновей и братьев, которых они *больше никогда не отпускают*, как было проделано с *сыном Ярослава* и с *каким-то* князем алан и со многими другими». Между тем из *Лавр*. известно, что единственный отправленный к тому времени отцом к великому хану «сын Ярослава» князь Константин Ярославич «приѣха ис Татарь от Кановичъ къ отцу своему с честью» в 1245 г., т.е. ещё до отъезда Ярослава Всеволодовича в Орду³¹. Получается, что Плано Карпини, оказавшийся при дворе великого хана годом позже, полагался либо на непроверенные слухи, либо (с учётом того, что имел возможность проверить эту информацию у людей Ярослава) сознательно сообщал заведомо недостоверные сведения, сгущая краски³². Возможно, представление о том, что одного из сыновей Ярослава татары «больше никогда не отпускают» сформировалось у папского посла после его встречи в ставке Батыя (ещё до посещения им Каракорума) с «сыном князя Ярослава, с которым при себе был один воин из Руси по имени Сангор»³³. В любом случае само по себе нахождение в Орде сына великого князя не давало Плано Карпини оснований делать столь далеко идущие выводы.

Есть основания полагать также, что он зачастую некритически воспринимал информацию и воспроизводил её в отчёте о путешествии. Это касается и сведений, относящихся к обстоятельствам кончины Ярослава Всеволодовича³⁴, которые папский посол получал от спутников князя. Важно разобраться, на чём могло быть основано их мнение о том, что князя отравили. В историографии не анализировался контекст сообщения Плано Карпини о кончине Ярослава Всеволодовича. Между тем непосредственно перед этим рассказом повествуется ещё об одном отравлении. Накануне смерти Ярослава «была схвачена *тётика* этого императора (Гуюка. – *B.P.*), которая *с помощью яда* убила его отца, в то время как их войско находилось в Венгрии, и из-за этого войско, которое пребывало в вышеуказанной области, возвратилось оттуда назад; её и многих других судили, и они были убиты. *В это же время* умер Ярослав, великий князь в некоей части Руси, которая называется *Сузdalь*»³⁵.

Сам по себе этот рассказ наглядно демонстрирует специфику распространения слухов в столице Монгольской империи. Ведь в действительности казнили не «*тёtkу императора*», а лишь приближённую его матери Фатиму-хатун,

³¹ Папский посол упоминает также некоего «сына Ярослава» при описании казни Михаила Черниговского, произошедшей в ставке Батыя 20 сентября 1246 г. Однако этот рассказ был записан им уже после смерти Ярослава Всеволодовича с чужих слов, поскольку сам он тогда находился в ставке Гуюка в Монголии. О том, кем именно мог быть этот «сын Ярослава», высказывались разные мнения. Нельзя исключать и ошибку посла, назвавшего «сыном Ярослава» внука Михаила Черниговского ростовского князя Бориса Васильковича, который, согласно русским источникам, в момент казни деда находился вместе с ним в Орде. Но Борис Василькович не стал заложником татар: после казни Михаила он был отправлен правителем Улуса Джучи к своему сыну Сартаку, который, «почтив» князя, «отпусти я в своя си» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470–471; *Иоанн де Плано Карпини. История монголов...* С. 213–215 (коммент. 6 к главе III); *Милютенко Н.И. Сказания о Михаиле Черниговском // ТОДРЛ. Т. 64. СПб., 2016. С. 187).*

³² *Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Нужная смерть»... С. 571; Романив В.Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 93–94.*

³³ Вероятнее всего, это мог быть князь Константин Ярославич (*Иоанн де Плано Карпини. История монголов...* С. 334–335 (коммент. 62 к главе IX)).

³⁴ *Горский А.А. Об обстоятельствах гибели... С. 165–169.*

³⁵ *Иоанн де Плано Карпини. История монголов... С. 184–185.*

обвинённую в отравлении не Угэдэя — отца «действующего» великого хана (он умер за пять лет до этого, в декабре 1241 г.), а его брата Кутана³⁶. Однако сведения, изложенные папским послом, не являлись плодом его фантазии — он пересказал то, о чём говорили в Каракоруме. По мнению В.Я. Романива, «версия об отравлении Угэдэя распространялась противниками вновь избранного хана» Гуюка, и францисканцы (помимо Плano Карпини свою версию случившегося изложил и его спутник Бенедикт Поляк)³⁷ лишь передавали эти слухи. О том, что «слухи о коварной женщине» действительно имели место в то время, а также о том, что они были «всего лишь злой сплетней»³⁸, можно судить по сообщению Рашид ад-Дина, который, впрочем, упоминал о совсем других «отравителях». По его данным, в окружении Гуюка активно боролись с запущенной кем-то ложной информацией, будто хан Угэдэй был отравлен некоей Абикэ-беги и её сыном, которые «подносили чашу [с вином] и, наверное, дали каану яду». При этом Илджидай-нойон, явившийся молочным братом каана и влиятельным эмиром из рода джелаир, сказал: «Что за вздорные слова? Сын Абикэ-беги — баурчи, он ведь всегда подносил чашу. И каан всегда пил вина слишком много. Зачем [нам] нужно позорить своего каана, [говоря], что он умер от покушения других? Настал его смертный час. Надо, чтобы больше никто не говорил таких слов»³⁹. Из этого следует, что в самом Каракоруме слухи об отравлении того или иного высокопоставленного лица при участии некой коварной женщины не были редкостью⁴⁰, и Плano Карпини, судя по всему, им доверял⁴¹. Поверил он и русским спутникам великого князя Владимира, которые под впечатлением от смерти своего господина и под воздействием слухов о женщинах-отравительницах могли решить, что его также отравили. То же касается представлений собеседников Плano Карпини о планах монгольских правителей в отношении русских земель: как показал А.А. Горский, их мнение на этот счёт базировалось прежде всего на страхе, что «вслед за Батыевым по-громом 1237–1241 гг. завоеватели перейдут к непосредственному владычеству над всеми русскими землями»⁴².

Но папский посол явно не ограничился фиксацией мнения спутников великого князя. Во второй части своего сообщения он уточнил, что дополнительным «доказом в пользу этого (т.е. в пользу отравления. — В.Р.) является то, что она (мать императора. — В.Р.), в то время как его (Ярослава. — В.Р.) люди ничего не знали, тотчас, поспешно, отправила на Русь к его сыну Александру посольство, с тем чтобы он прибыл к ней, так как она хотела даровать ему страну его отца; он хотел поехать, но остался [дома]. И тем временем она давала грамоты его людям, чтобы он сам приехал и получил страну своего отца. Все, однако, думали, что, если он приедет, она либо убьёт его, либо веч-

³⁶ Там же. С. 323 (коммент. 47 к главе IX).

³⁷ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 88, 113.

³⁸ Романив В.Я. Бату-хан и «центральное монгольское правительство»... С. 92–93.

³⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. П. М., 1960. С. 42.

⁴⁰ Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Отравленные» ханы: феномен внезапной смерти правителей в ментальном восприятии средневековых монгол // Золотоординское обозрение. Т. 12. 2024. № 2. С. 316.

⁴¹ Об отравлении Угэдэя он упоминал неоднократно (*Иоанн де Плano Карпини. История монголов...* С. 166, 184–185). О беспочвенности этих слухов см. подробнее: Там же. С. 307–308, 323 (коммент. 2 к главе VIII, comment. 47 к главе IX).

⁴² Горский А.А. Об обстоятельствах гибели... С. 165–167.

но будет держать в плену»⁴³. Очевидно, что обо всём этом Плано Карпини не мог узнать, находясь в Каракоруме. Поскольку речь шла о событиях и явлениях большой временной протяжённости, соответствующую информацию он получал в разное время — в том числе уже после того, как покинул столицу империи и добрался до ставки Батыя⁴⁴. Значит, «доводы в пользу» версии об отравлении были уже доводами самого посла, сделанными им на основе дополнительно полученной информации, а не спутников Ярослава, изначально выдвинувших версию об отравлении великого князя. При этом конечная цель действий отравительницы Туракины ускользала от понимания францисканского монаха (то ли отдаст Александру «страну его отца», то ли убьёт или «вечно будет держать в плену»). При этом «доводы» папского посла мало что добавляли с точки зрения доказательной базы для обвинения Туракины в причастности к смерти Ярослава Всеволодовича: и изначально, и впоследствии посол опирался лишь на слухи и домыслы, которые, судя по всему, в изобилии возникали в среде европейцев, путешествующих «в татары» и обратно. Тем не менее Плано Карпини целенаправленно искал дополнительные аргументы в подтверждение версии об отравлении, и его информаторы были готовы ему помочь: по словам посла, они «сами нам охотно обо всём сообщали, иногда без вопросов, некоторые — потому что знали, чего мы хотим»⁴⁵. Это может означать, что собеседники папского посла зачастую предоставляли ему ту информацию, в которой он был заинтересован, и которая соответствовала уже сформировавшейся у него точке зрения.

На первый взгляд, версия, изложенная Плано Карпини, подтверждается рассказом галицко-волынской летописи⁴⁶. Однако сведения, отразившиеся в этом источнике, вполне могли иметь то же происхождение, что и рассказ «Истории монголов». По крайней мере, по возвращении на Русь папский посол имел возможность, по его собственному свидетельству, в течение «целой недели» лично общаться с князьями Даниилом и Васильком Романовичами, а также людьми из их окружения⁴⁷, от которых информация о том, как умер князь Ярослав, могла попасть в местное летописание⁴⁸. Косвенным аргументом в пользу этого является то, что версия об отравлении Ярослава Всеволодовича отразилась только в летописании тех мест, где проезжало папское посольство. При этом на родине великого князя в Сузdalской земле, лежавшей в стороне от маршрута францисканских монахов, скорее всего, об этом не знали.

Лавр. очень скрупульно описывает события тех лет, тем не менее в ней точно фиксируется всё, что касалось поездок князей к татарам: состав участников посольств, маршрут (к Батыю или «къ Канови»), итоги (отпущены «с чѣстью», «расудивъ имъ когождо в свою отчину», «давшее старѣшинство во всеми браты»), а также чётко различаются обстоятельства смерти Михаила Черниговского и Ярослава Всеволодовича⁴⁹. Происхождение рассказа о гибе-

⁴³ Иоанн де Плано Карпини. История монголов... С. 185.

⁴⁴ Речь идёт о промежутке между ноябрём 1246 г., когда посольство Плано Карпини покинуло столицу Монгольской империи, и 9 мая 1247 г., когда францисканцы оказались в ставке Батыя (Иоанн де Плано Карпини. История монголов... С. 327–329 (коммент. 48 к главе IX)).

⁴⁵ Там же. С. 186.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.

⁴⁷ Иоанн де Плано Карпини. История монголов... С. 190.

⁴⁸ Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Нужная смерть»... С. 565.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470–473.

ли Михаила Черниговского в *Лавр*. более или менее понятно: о произошедшей в ставке Батыя казни мог поведать его внук – ростовский князь Борис Василькович, благополучно вернувшийся домой. Но чем объяснить отсутствие в летописи информации об отравлении Ярослава? Если придерживаться общепринятой версии, согласно которой тело великого князя доставили для погребения во Владимир, получается, что люди, его сопровождавшие, имели возможность рассказать землякам об обстоятельствах кончины⁵⁰. Значит, либо, прибыв в Суздальскую землю, они уже не считали, что князя отравили, либо сама версия об отравлении с самого начала являлась версией лишь Плано Карпини.

Учитывая, что из окрестностей Каракорума тело князя для погребения пришлось бы везти на родину несколько месяцев (князь умер 30 сентября – значит, как минимум, до конца 1246 г.), нельзя полностью исключить, что его похоронили неподалёку от места кончины, а вовсе не во Владимире. В этом случае отсутствие в *Лавр*. сведений о его отравлении можно объяснить только тем, что спутники князя по каким-то причинам так и не доехали до столицы Суздальской земли: погибли в дороге, решили не возвращаться, поскольку сами были не из этих мест (вполне возможно, что в свою последнюю поездку к татарам Ярослав Всеволодович отправился не из Владимира, а из Киева)⁵¹. Как известно, гробница великого князя находится во владимирском Успенском соборе. В конце XIX в. занимавшийся краеведением архимандрит Порфирий отмечал, что тело Ярослава Всеволодовича «из Сибирских степей было привезено во Владимир и погребено в соборном храме, оплаканное прибывшим из Новгорода Александром Ярославичем, другими сыновьями Ярослава Всеволодовича и братом его Святославом», но на чём основывалось это заключение, историк не указал⁵². Однако в *Лавр*. нет указания на место и время его погребения, там сообщается лишь, что, «слышавъ о смерти отца, сын великого князя Александр Ярославич приехал из Новгорода во Владимир, «и плакася по отцѣ своеѧ с стрыемъ своимъ Святославамъ и с братею своею», после чего «того же лѣта Святославъ князь сынъ Всеволожъ съде в Володимери на столѣ отца своего, а сыновци свои посади по городомъ яко ж бѣ имъ отъцъ урядиль Ярославъ»⁵³. Очевидно, что в данном фрагменте речь не идёт о погребении: князья собрались во Владимире, когда получили *известие* о смерти Ярослава, а не тогда, когда на родину было доставлено тело. Следует отметить, что *Лавр*. очень тщательно фиксировала не только факты смерти, но и места погребений князей и иерархов Церкви. Только за четверть века – со времени разорения Суздальской земли Батыем (1238) до кончины Александра Ярославича (1263) – в ней зафиксировано девять княжеских смертей и одна смерть епископа (ростовского владыки Кирилла). Из этих десяти случаев только в отношении Ярослава Всеволодовича и его брата Святослава (вероятно, умершего

⁵⁰ М.И. Хитров, автор популярной биографии Александра Невского, писал, что спутники Ярослава Всеволодовича «без сомнения, подробно рассказали обо всём его сыновьям», имея в виду версию отравления. Однако то, как *Лавр*. излагала обстоятельства кончины князя, свидетельствует, скорее, об обратном (Хитров М.И. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. СПб., 1899. С. 159–160).

⁵¹ Хаутала Р. Ездил ли Александр Невский в Монголию?... С. 203.

⁵² Порфирий ([Виноградов]), архим. Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и погребённые в них князья и святители. Владимир, 1890. С. 35–42.

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

в Юрьеве, где он правил после изгнания с великокняжеского стола) нет указаний на место погребения⁵⁴.

У местного летописца вряд ли имелись основания не помещать информацию об обстоятельствах кончины великого князя в своё повествование, если бы он ею располагал. Феннел, правда, высказал гипотезу, что лаконичным сообщением о смерти Ярослава составитель рассказа *Лавр.* стремился «избежать любого упоминания об участии татар в его смерти — типичное проявление нежелания обидеть татар или включить в летопись какие-либо сведения, которые могут быть истолкованы татарами как оскорбительные»⁵⁵. Но Серебрянский считал, что «побуждений замалчивать факты у летописца не могло быть. Татарской цензуры над русскими сочинениями не было, и о самих татарах русские писатели XIII в. отзывались очень свободно и резко»⁵⁶. Правомочность трактовки Феннела вызывает сомнение ещё и потому, что в той же летописной статье *Лавр.* сообщала о гибели в Орде Михаила Всеолодовича Черниговского. Этот рассказ был явно критическим по отношению к завоевателям, которые в нём названы «нечестивыми»⁵⁷. Если сравнить оба повествования (*Инам.* и *Лавр.*) о гибели в Орде Михаила Черниговского, окажется, что при некотором расхождении в деталях по тональности описания татар они схожи друг с другом⁵⁸. При этом рассказы о смерти Ярослава Всеолодовича в обеих летописях не совпадают. Это означает, что *Лавр.* излагала не цензурированную, как полагал Феннел, а просто *другую* версию смерти князя.

Ничего не сообщалось об отравлении Ярослава и в русских статьях «Летописца вскоре» патриарха Никифора⁵⁹. При этом составитель текста чётко различал причины и обстоятельства смерти князей («татарове убиша князя Юрья и Василка и инехъ много», «Глебъ приехавъ ис Татарь... и умре»). Тем не менее о смерти Ярослава Всеолодовича («Ярославъ умре въ Татарехъ») сообщалось точно так же, как о смерти других князей — как умерших на Руси («по съмерти Ольксандрове братъ его Ярославъ лет 10 и умре». Василии братъ его лет

⁵⁴ Архимандрит Порфирий считал, что сохранившаяся гробница Ярослава Всеолодовича «явилась, может быть, во времена императрицы Екатерины II». Цитируемая им надпись на гробнице — «мощи Благоверного Великого Князя Ярослава Всеолодовича положены на сем месте в лето 6755 сентября 30 дня» — не может считаться достоверной: умерший в центральной части современной Монголии великий князь не мог быть погребён во Владимире непосредственно в день кончины. См. подробнее: *Порфирий (Виноградов)*, архим. Указ. соч. С. 35–42; *Георгиевский В. Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности*. Владимир, 1896. С. 68. Ср.: *Седов Вл. В. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси* // *Восточнохристианские реликвии*. М., 2003. С. 447–481.

⁵⁵ *Феннел Дж.* Указ. соч. С. 140.

⁵⁶ *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 173.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

⁵⁸ Ср.: Там же. Т. 2. Стб. 795, 808.

⁵⁹ Пользуясь случаем, благодаря П.В. Лукина, обратившего на это моё внимание. «Краткий ростовский летописец XIII в.» А.Н. Насонов считал «едва ли не древнейшим сохранившимся летописным сводом» (*Насонов А.Н. Летописный свод конца XV в. (по двум спискам)* // *Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV–XVII вв.* М., 1955. С. 279). По мнению М.Н. Тихомирова, источником русских статей «Летописца» явилась «летопись, близкая по составу к Лаврентьевской, но отнюдь не тождественная ей. Краткие известия в конце летописца, относящиеся к 60-м и 70-м годам XIII столетия — редчайшие записи, составленные современником событий». Содержащая «Летописец вскоре» Кормчая была написана около 1280 г., во всяком случае не позже 1294 г., когда умер великий князь Дмитрий Александрович, по заказу которого создавалась сама рукопись (*Тихомиров М.Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности* // *Археографический ежегодник* за 1960 г. М., 1962. С. 234).

4 и умре»), так и скончавшихся естественной смертью в Орде. В частности, о князе Борисе Васильковиче сказано, что он «княжи лет 40 и умре въ Татарехъ»⁶⁰, т.е. о его смерти сообщалось в тех же выражениях, что и о кончине Ярослава.

Учитывая эти обстоятельства, можно утверждать, что у нас нет твёрдых доказательств достоверности сведений об отравлении Ярослава Всеволодовича. Эта версия могла появиться, во-первых, в результате искажённого восприятия обстоятельств кончины князя людьми из его окружения, во-вторых, некритично воспринятого или предвзято поданного Плано Карпини описания этой смерти. Позднее версия об отравлении отразилась (возможно, при участии папского посла) в галицко-волынской летописи, но при этом осталась не воспроизведена в близком для потомков великого князя летописании Сузdalской земли. Это не означает, что отравления Ярослава Всеволодовича не могло быть, однако достоверность этой версии, равно как и альтернативной ей версии *Лавр.*, представляется примерно одинаковой.

Принципиальное значение для оценки версии об отравлении великого князя имеют поздние, XV в., варианты Жития Александра Невского в редакции *C1* и в так называемой Особой редакции, схожей с *C1*. С созданием рассказа, лёгшего в их основу, следует связывать второй этап формирования памяти о кончине Ярослава Всеволодовича. Важной особенностью этих и всех последующих повествований является, во-первых, отсутствие прямых упоминаний об отравлении князя, во-вторых, содержащаяся в них информация о том, что перед смертью тот был «обаженъ» перед великим ханом неким Фёдором Яруновичем, после чего «многи дни претерпѣвъ», преставился «в Ордѣ нужною смертью»⁶¹, и, в-третьих, проведение прямой аналогии между главным героем Жития князем Александром Ярославичем и его отцом⁶².

Что касается новых сведений о смерти Ярослава Всеволодовича, то, как показал В.А. Кучкин, одним из их источников, вероятнее всего, была Пространная редакция житийной «Повести о Михаиле Тверском», составленная в Твери в конце 1319 – начале 1320 г.⁶³ По мнению исследователя, «известие о насильственной смерти Ярослава Всеволодовича», читающееся в *C1*, «восходит к своду митрополита Фотия 1423 г., но источник его – Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского», причём известие об этом событии – «древнейшее в литературе Северо-Восточной Руси»⁶⁴. Как полагает Кучкин, о том, что чтение *C1* восходит к «Повести о Михаиле Тверском», «свидетельствует небольшой комментарий к известию о смерти Ярослава, чрезвычайно близкий к подобному комментарию о смерти Михаила, цитируется даже один и тот же стих 13 из XV главы Евангелия от Иоанна»⁶⁵. Ни указаний на причину смерти Ярослава, ни упоминаний лиц, причастных к его кончине, в «Повести о Михаиле Тверском» не содержалось. При этом её составитель ввёл в рассказ новую деталь – информацию о том, что «сеи блаженыи приснопамятныи

⁶⁰ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 239.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 325–326, Мансикка В.Й. Указ. соч. С. 13.

⁶² Коняевская Е.Л. Александр Невский в исторических источниках // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010. С. 214.

⁶³ Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 234.

⁶⁴ Там же. С. 85, 226.

⁶⁵ Там же. С. 226, примеч. 25.

и боголюбивыи великии князь Михаило бысть сынъ великого князя Ярослава, внукъ же великого князя и блаженного Всеиволодовича⁶⁶ скончавшегося «нужною смертию въ Ордѣ за християне»⁶⁷. Таким образом, уже на этом этапе начало формироваться представление о подвижническом характере кончины великого князя: Ярослав Всеиволодович как бы становился предтечей своего внука – князя Михаила Ярославича Тверского, который, согласно житийной повести, также принял «нужную страсть» в Орде⁶⁸. Другим источником свода Фотия, возможно, являлся рассказ *Лаэр.* или близкой к ней летописи, оттуда в источник *C1* могло попасть указание на дату преставления великого князя⁶⁹.

Повествование *C1* о кончине князя Ярослава во многом строилось за счёт соединения на основе рассказа «Повести о Михаиле Тверском» образов обоих князей – деда и внука, и поэтому состоит из тех же «кирпичиков». Главный из них – приведённая евангельская цитата, на что обратил внимание Кучкин. Михаил Ярославич в житийной Повести «приять страсть нужную, положи душу свою за други своя, помня слово Господне, еже рече: «Аще кто положить душу свою за другы своя», сеи же великии наречется въ Царствии небеснѣмъ», а Ярослав Всеиволодович в *C1* «преставися... нужною смертью. Яко же Святое писание глаголеть: «Да кто положить душю свою за другы своя», сии же великии князь положи душу свою за вся люди земли Русскуя. И причте его Господь къ избранному Своему стаду». Благодаря этой цитате определялся смысл поступков Михаила Тверского и Ярослава Всеиволодовича. Также, как и «терпеливши душою» Михаил в житийной повести, Ярослав в *C1* «многы дни претерпѣвъ» от татар. Кроме того, в летописном изложении развивалась мысль «Повести о Михаиле Тверском» о том, что Ярослав принял смерть «за христианы»: согласно *C1* он положил «душу свою за вся люди земли Русскуя», ради которых пошёл в Орду – «въ великую пагубную землю татарьскую»⁷⁰.

Получается, что уникальной информацией *C1* может считаться лишь упоминание Фёдора Яруновича, который «обадил» Ярослава Всеиволодовича перед «царём», всё остальное – не более чем развитие житийного сюжета, относящегося к биографии Михаила Тверского. Соглашусь с мнением Горского о том, что «подозревать данное известие в недостоверности нет оснований», поскольку «персонаж по имени Фёдор Ярунович более нигде не упоминается, и никакой смысловой нагрузки ввод его в повествование нести не мог»⁷¹. При этом, однако, следует уточнить: если само по себе введение в повествование данного персонажа никакой смысловой нагрузки не несло, то действие, которое он совершал, наоборот, имело вполне понятный смысл: оно придавало дополнительные черты сходства Ярослава Всеиволодовича и Михаила Тверского. Последний перед смертью также был «обажен» перед ханом Узбеком⁷².

⁶⁶ В тексте указано лишь отчество великого князя Ярослава, имя пропущено.

⁶⁷ Кучкин В.А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 130.

⁶⁸ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 126. Здесь слово «страсть» обозначает страдание, мучение (Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. XI. М., 2016. С. 599; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. М., 2008. С. 141; Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1991. С. 105).

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Т. 6. Вып. 1. Стб. 326.

⁷⁰ Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 337–338.

⁷¹ Горский А.А. Об обстоятельствах гибели... С. 159, примеч. 3.

⁷² Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 139.

В историографии неоднократно отмечалась специфика житийных памятников, посвящённых князьям-страстотерпцам, само наименование которых «преимущественно... относится к тем святым, которые приняли мученическую кончину не от гонителей христианства, но от своих единоверцев — в силу их злобы, коварства, заговора»⁷³. При этом убиенный страстотерпец «признаётся святым прежде всего не по своим поступкам, но действиям убийц». Поэтому «для ситуации убийства невинного правителя, характеризующей жития князей-страстотерпцев», существенны прежде всего их антагонисты — «люди близкие святому, по своему положению обязаные пребывать с ним в любви и мире или подчиняться ему». Круг этих лиц широк: братья и более дальние родственники, подданные и вельможи, в целом — соотечественники⁷⁴. В «Повести о Михаиле Тверском» в качестве близкого человека, ставшего антагонистом святого, выступил его «сыновец» (племянник) — московский князь Юрий Данилович и примкнувшие к нему «вси князи Сусзальские и бояре из городов и отъ Новагорода», которые по наущению ханского посла, «безаконного треклятаго» Кавгадыя, «написаша многа лжа, свидѣтельства на блаженаго Михаила». Опираясь на эти лжесвидетельства, Кавгадый впоследствии «обадил» святого в глазах ордынского «царя», что в конечном счёте и привело к гибели князя⁷⁵. В этом контексте введение в рассказ о кончине Ярослава Всеиволодовича единоплеменника, поступающего по отношению к нему так же, как по отношению к Михаилу Тверскому поступили «обадившие» его, могло быть продиктовано не столько стремлением передать подлинный ход событий, сколько желанием подтвердить типологическое сходство двух этих смертей — страстотерпца-внука и его деда, который с точки зрения книжника, видимо, также был достоин прославления.

Как уже отмечалось выше, информация о кончине Ярослава Всеиволодовича, сообщаемая в житийных и летописных источниках, не противоречит версии об отравлении великого князя. Но подтверждает ли она её? Ведь, сообщая о «нужной» смерти, книжники не уточнили, как именно умер князь. Прежде всего, необходимо понять, могли ли они это сделать, и, если могли, то почему не сделали? В отношении рассказа *C1* на первую часть вопроса стоит ответить скорее утвердительно: составитель свода митрополита Фотия (протографа *C1*) имел под рукой текст рассказа галицко-волынской летописи, дошедший до нас в составе *Инам*. Об этом свидетельствует хотя бы летописный рассказ о наследствии Батыя в составе *C1*, составленный преимущественно на основе сообщений *Лавр.*, но с добавлением отдельных сведений из Новгородской первой летописи старшего извода и *Инам*. Например, из последней были заимствованы уникальные, читающиеся только в ней рассказы о взятии Козельска, Переславля, Чернигова и Киева⁷⁶. Это означает, что при желании составитель свода Фотия мог бы построить по такому же принципу и рассказ о кончине Ярослава Всеиволодовича, дополнив информацию *Лавр.* сведениями, содержащимися в *Инам.*, однако этого не сделал. Объяснить причину такого решения можно тем, что автор повествования, дошедшего в *C1* (и также, судя по всему, автор

⁷³ Живов В.М. Указ. соч. С. 105.

⁷⁴ См. подробнее: Ранчин А.М. Вертоград Златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах, комментариях. М., 2007. С. 115, 121, 126.

⁷⁵ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 138–139.

⁷⁶ Насонов А.Н. История русского летописания. XI — начало XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 182–184. Ср.: Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 99.

«Повести о Михаиле Тверском»), не стремился сообщить как можно больше подробностей о смерти князя. Иначе, рассказав о причастности к его смерти Фёдора Яруновича, книжник сообщил бы и о факте отравления.

Если это так, то цели составителей *Инаг.* и *Лавр.*, с одной стороны, и составителя *С1* – с другой, были различны. Ранние летописи сообщали о частном случае, просто о факте биографии великого князя (которого «зелиемъ умориша» – *Инаг.* или который «преставися во иноплеменницъх» – *Лавр.*). *С1* же вписывала смерть Ярослава в более общий контекст, обозначала не факт, а смысл произошедшего, маркируя его кончину как праведную, а его жизнь – как достойную прославления, и не погружалась при этом в детали. Наоборот: коль скоро речь шла о прославлении христианских качеств правителя, основной упор делался не на уникальные, а на типические его черты. Ведь житие святого – «это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к спасению, типа его святости»⁷⁷: в конце концов, все страстотерпцы так или иначе умирали «нужной» смертью, какой бы смысл ни вкладывался в это определение. В этом плане показательно описание христианского подвига святых Бориса и Глеба в Повести временных лет под 6623 (1115) г. в рассказе о переносе их мощей: «Иже еста похвала княземъ нашимъ и заступнику земли Русцѣи, иже славу свѣта сего попраста, а Христа узюбиста, по стопамъ его изволиста шествовати, овчате Христовѣ добрии, яже влекома на заколение, не противистася, ни отбѣжаста *нужныя смерти*. Тѣм же и съ Христосомъ въцари-стася у вѣчную радость и даръ ицѣленія приемъша от Спаса нашего Иисуса Христа неискудно подаваeta недоужнымъ, с вѣрою приходящимъ въ святыи храмъ ею, поборника отечству своему»⁷⁸. В этом тексте не идёт речи о том, какую именно смерть приняли святые, т.е. понятие «нужная смерть» в данном случае имеет собирательное значение, являясь синонимом христоподобной гибели братьев-страстотерпцев.

Между тем «нужная смерть» не обязательно означала насильственный уход из жизни и не всегда выступала синонимом убийства⁷⁹. Помимо значений «связанная с принуждением, насилием», «нужная» в отношении смерти подразумевала ещё и «тяжостную», «тяжёлую», а также «жестокую», «страшную», «мучительную» кончину, о чём свидетельствуют словарные примеры, где, среди прочего, «нужная смерть» – это смерть в огне пожара, в результате утопления в реке⁸⁰ и во время всемирного потопа, но также – в момент нашествия татар⁸¹. При этом в источниках есть достаточно чёткие указания на то, что в представлении книжников первой половины XV в. выражение «преставился нужной смертью» не являлось полным синонимом убийства. Для этого достаточно сравнить краткие сообщения в Московско-Академической летописи⁸²: «*Оубъенъ*

⁷⁷ Живов В.М. Указ. соч. С. 10.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 281–282. Повесть временных лет / Подгот. текста Д.С. Лихачёва. СПб., 1996. С. 128.

⁷⁹ Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. «Нужная смерть»... С. 565.

⁸⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. М., 1986. С. 446–447.

⁸¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. V. М., 2002. С. 444.

⁸² В этой части летопись передаёт фрагмент сокращённого ростовского владычного летописного свода, доведённый до 1419 г. (Клосс Б.М. Предисловие к изданию 1997 г. // ПСРЛ. Т. 1. С. К–Л). По мнению А.А. Шахматова, последний был составлен в начале XV в. на основе ростовской летописи и общерусского летописного свода, предшествующего «Полихрону 1423 г.» (своду митрополита Фотия). См. подробнее: Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 223–228; Насонов А.Н. Летописный свод XV века (по двум спискам) // Ма-

бысть Михалко Черніговськыи... преставися Ярославъ в Татарех *нужною смертью*, того же лѣта *оубиенъ* бысть Михаило Ярославичъ от Литвы⁸³. В данном примере интересно также то, что татары не названы источником смерти Ярослава: сообщается лишь, что он умер на их территории, тогда как в сообщении о гибели его сына Михаила виновные установлены – «от Литвы».

Если Ярославу Всеволодовичу в анализируемых памятниках XIV–XV вв. передавались черты его святого внука Михаила Ярославича, то в Житии Александра Невского (в редакции *C1* и в так называемой Особой редакции) подобный приём распространялся уже в отношении Александра Ярославича. Это проявилось, с одной стороны, в указании на то, что Александр продолжил линию Ярослава, заступаясь «за люди своя» в Орде⁸⁴, с другой – в рассказе о восстановлении им разорённых во время Неврюевой рати земель, подобно тому, как Ярослав занимался обновлением Сузdalской земли после нашествия Батыя⁸⁵. В последнем случае – и в *C1*, и в Особой редакции – со ссылкой на псалом царя Давида специально подчёркивалась параллель между Александром и его отцом: «Добрѣ бо рече Давыдъ пророкъ: «Въ отецъ мѣсто быша сынови ихъ»» (Пс. 44:17). Не только указание на сходство с поступком отца, но и сам рассказ об «обновлении» Сузdalской земли, по-видимому, был создан в рамках работы над источником *C1* – сводом Фотия. По крайней мере, *Лавр.*, на которую обычно опирался свод Фотия при рассказе о событиях в Сузdalской земле того времени, не содержала сведений о том, что после нашествия Неврюя Александр Невский занимался её «обновлением». Там говорилось лишь о радости «всей земли Суждальской» по поводу возвращения князя «и татаръ»⁸⁶. Рискну предположить, что то же самое можно отнести и к рассказу о «нужной» смерти великого князя Ярослава в «Повести о Михаиле Тверском» пространной редакции и Житии Александра Невского в Особой редакции и *C1*. Для составителей этих произведений конкретный способ умерщвления Ярослава Всеволодовича был не столь уж важен: само упоминание «нужной» смерти являлось достаточным маркером, позволявшим выстроить весьма прозрачную смысловую аналогию Ярослава Всеволодовича – в одном случае, с Михаилом Тверским, а в другом, с Александром Невским.

Показательно, что смерть обоих князей (Ярослава и Александра) в *C1* изображена как итог длительного страдания. Отец «много пострада» и «многи дни претерпѣвъ». То же самое испытал и сын, которого царь «удержал», «не пусти его в Русь», в результате чего князь «зимова в Орде, и тамо разболѣся». Болезнь Александра Ярославича также протекала долго, коль скоро он из Орды «доиде до Новагорода Нижняго» и далее до Городца⁸⁷. В первоначальной редакции

териалии по истории СССР. Т. 2. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 276–277. К тому же источнику, по-видимому, восходят сообщения о смерти Ярослава Всеволодовича в Устюжском летописце и Сокращённом своде 1493 г. (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 70; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 235). См. также: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 2 (Л–Я). Л., 1989. С. 47.

⁸³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 523.

⁸⁴ Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 325–326. Ср.: Мансикка В.Й. Указ. соч. С. 13–14.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 325, 328; Конявская Е.Л. Александр Невский в исторических источниках. С. 214–215.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

⁸⁷ Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 338; Т. 25. М., 2004. С. 144; Т. 10. М., 2000. С. 143. Версия Жития Александра Невского в *C1*, судя по всему, строилась на основании Новгородской первой летописи старшего извода, которая была в распоряжении составителя свода Фотия: «Поиде князь Олександъ

житийной повести этот сюжет излагался иначе: «Князь великий Олександръ изъде от иноплеменникъ и доиде Новагорода Нижняго, и *ту пребывъ мало здрав, и, дошед Городца, разболъся*⁸⁸. Следовательно, согласно первоначальной редакции житийной повести, болезнь развивалась скоротечно (почувствовал себя плохо в районе Нижнего Новгорода, а «разболелся»⁸⁹ уже будучи в Городце, находящемся примерно в 50 км от Нижнего) – в течении 2–3 дней, а вовсе не одного–двух месяцев, требовавшихся для того, чтобы добраться в Сузальскую землю из столицы Улуса Джучи⁹⁰.

Таким образом, в версии кончины Александра Ярославича, дошедшей в редакции *C1* и Особой редакции его Жития, наблюдается та же тенденция, что и в рассказе о Ярославе Всеволодовиче: в текстах XV в. кончина Александра описывалась как долгая мучительная смерть, как разновидность христианского мученичества человека, решившего «положить душу свою за други своя». Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с распространённым приёмом средневековой агиографии – переносом одного и того же образа из одного житийного текста в другой, рассказом о судьбе одного святого через подчёркивание его сходства с другим. Возникающая при этом аналогия – «это тот образец, на который ориентируется агиограф, создавая образ прославляемого подвижника»: тем самым «автор жития возводит образ к первообразу или сакральному образцу»⁹¹. Упоминание благочестивых предков святого (отца, матери или деда), сопоставление его с ними, по сути, выполняло ту же функцию⁹². В этом контексте смерть становится уже не просто точкой в земном пути, но и важнейшим признаком подвижничества самого Ярослава Всеволодовича. Не удивительно, что позднее, в текстах середины – второй половины XVI в., кончина великого князя описывалась как подвиг святого.

Версия кончины Ярослава Всеволодовича, изложенная в *C1*, перешла в более поздние летописные памятники⁹³. Судя по всему, смерть князя, в основе которой, согласно *C1*, лежало стремление пострадать «за землю вотчины своя», «положить душу свою за други своя», стала восприниматься как своеобразный эталон поведения, воспроизведённый впоследствии его потомками – святыми Александром Невским и Михаилом Тверским. Будучи «по крови» родоначальником династии, к которой принадлежали оба князя, в восприятии книжников XV–XVI вв. Ярослав Всеволодович и «по духу» оказывался законодателем поведенческих канонов для правителей русских земель.

в Татары, и удержа и Берка, не пустя в Русь; и зимова в Татарѣхъ, и разболѣся... приде князь Олександръ ис Татаръ велии не здравя, въ осенинѣ, и приде на Городецъ, и пострижеся въ 14 мѣсяца ноября, на память святого апостола Филипа. Той же ночи и преставися» (ПСРЛ. Т. 3. С. 83).

⁸⁸ «Дошёл до Нижнего Новгорода и там занемог, и прибыв в Городец, разболелся» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб., 1997. С. 368–369. Ср.: Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века. «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. С. 193).

⁸⁹ «Разболелся» – «сильно, тяжело заболел» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. М., 1995. С. 142).

⁹⁰ Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты... С. 159.

⁹¹ Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 63.

⁹² Пауткин А.А. Древнерусские святые князья. Агиологический тип как культурно-историческая система // Герменевтика древнерусской литературы. Т. 7. М., 1994. С. 213.

⁹³ В почти неизменённом виде эта версия отразилась в Московском своде конца XV в., Никоновской, Ермолинской, Никаноровской, Вологодско-Пермской и других летописях (*Горский А.А. Об обстоятельствах гибели...* С. 158–159).

Такая трактовка соответствовала историософскому замыслу Степенной книги начала 1560-х гг.⁹⁴ (*СК*), наделявшей «правящую московскую династию исключительным политическим и нравственным авторитетом»⁹⁵. Третий этап формирования памяти о кончине великого князя связан с созданием этого масштабного произведения средневековой исторической мысли. В рассказе 1-й главы VII степени *СК* («О благовѣрномъ и богохранимомъ кореноплодномъ великомъ князѣ Ярославѣ Всеволодичи») кончина главного героя описана в разделе с характерным названием «Подвигъ Ярославъ»⁹⁶. Здесь был востребован тот же приём, что применялся при составлении свода Фотия – использование мотивов жития другого святого (в данном случае Михаила Черниговского) для дополнительного прославления князя Ярослава, названного в *СК* «Богу подражательнымъ». В итоге, как отмечал Ю.К. Бегунов, «подвиги и страдания князей Ярослава Всеволодича и Михаила Черниговского» в *СК* «описаны совершенно одинаково»⁹⁷.

Ярослав Всеволодович, согласно *СК*, точно так же, как и Михаил Черниговский, «добрѣ подвизался о истиннѣ глаголати за люди Божиа Русьскаиа земли, обличая поганыхъ безумное велѣние. Его же ради (т.е. именно по этой причине, как преподносила дело *СК*. – *В.Р.*) Батый посла его х кановичемъ»⁹⁸. Однако, судя по всему, не обличения «поганыхъ» стали причиной страданий. Как отмечается в *СК*, в ставке великого хана Ярослав Всеволодович был обвинён в каких-то других проступках («инѣмъ образомъ инѣми завистными винами оклеветанъ бысть отъ нѣкоего Феодора Яруновича»). При этом составитель *СК* называет Ярослава Всеволодовича «добримъ подвижникомъ», который не просто пострадал от «поганыхъ», но «таковыимъ своимъ страданиемъ... сътвори многу и благу ползу и велику помошь и ослабу христианству отъ тягости и отъ злого насильства татарска»⁹⁹. В чём выражалась «благая польза» и «великая помошь» и как были связаны страдания князя с «ослабой христианству», не уточнялось. Аналогия с поступком другого святого – Михаила Черниговского, напрямую упомянутого в рассказе, – для составителя *СК* оказалась гораздо важнее, чем описание частного случая, имевшего отношение к смерти князя¹⁰⁰.

⁹⁴ Васенко П.Г. Книга степенная царского родословия и её значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904. С. 212–217; Покровский Н.Н. Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 89; Усачёв А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 196–197.

⁹⁵ Ленхорф Г.Д. Степенная книга: замысел, идеология, адресация // Степенная книга... Т. 1. С. 120.

⁹⁶ Мансикка В.Й. Указ. соч. С. 86.

⁹⁷ Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 147.

⁹⁸ Степенная книга... Т. 1. С. 487.

⁹⁹ Там же. Такой же текст читается в Житии Александра Невского в редакции Ионы (Думина) (Мансикка В.Й. Указ. соч. С. 85–86; Степенная книга... Т. 2. С. 430–431; Духанина А.В. Рукописная и старопечатная традиция... С. 130–140).

¹⁰⁰ В середине – второй половине XVI в. Михаил Черниговский, вероятно, выступал в качестве своеобразного эталона при изображении современных ему князей. Именно этим можно объяснить то, что в житии Александра Невского в редакции Василия-Варлама (1550-е гг.) святой, подобно черниговскому «сроднику», едет в Орду, готовый принять мученическую смерть, лишь бы сохранить чистоту веры. Однако Батый «не повеле его нудити своей вере, ни вести сквозе огнь, ни кланятися солнцу, ни кусту, ни идоломъ бездущьнымъ» и отпустил, «честь въздавъ блаженному велию» (Мансикка В.Й. Указ. соч. С. 43–45). В итоге князь Александр предстает как «бескровный мученик, не отказавшийся от своей веры под угрозой смерти, но не казнённый» (Шенк Ф.Б. Алек-

В историографии отмечалось, что составителю *СК* было присуще стремление, помещая того или иного князя «в широкий генеалогический контекст», «сообщить роду русских государей черты святости», а для этого «приблизить описания соответствующих персонажей к агиографическим рассказам». Наличие или отсутствие официальной канонизации того или иного правителя не имело принципиального значения: «Писатель, чётко разграничивая причтённых к лицу святых и ещё не канонизированных русских князей, тем не менее фактически уподобляет последних первым»¹⁰¹. Яркий пример – рассказ о Ярославе Всеволодовиче в 3-й главе VIII степени *СК* («Хожение Александрово во Орду...»), где его не просто сравнивают с сыном¹⁰², но уже прямо именуют «святым»¹⁰³. В итоге, по выражению Бегунова, «составитель Степенной книги создаёт совершенно фальсифицированный образ Ярослава: этот князь, в действительности подчинившийся всем унизительным процедурам в Орде и у великого хана, приобретает черты святого мученика и приравнивается к не подчинившемуся татарам и злодейски умерщвлённому ими Михаилу Черниговскому»¹⁰⁴.

Таким образом, есть основания полагать, что история кончины Ярослава Всеволодовича с самого начала обросла вымыщенными подробностями. Анализ ранних источников о смерти великого князя позволяет предположить, что достоверность версии об отравлении Ярослава Всеволодовича сомнительна. Её основательность оказывается немногим большей, чем утверждения о переходе великого князя Ярослава Всеволодовича в католичество, о чём писал со ссылкой на Плано Карпини римский папа Иннокентий IV¹⁰⁵.

В дальнейшем память о великом князе развивалась в направлении его посмертного прославления как человека, принявшего смерть за «други своя», а значит, совершившего христианский подвиг, хотя ни о чём подобном ранние источники не сообщали. Литературный материал для такого изображения Ярослава Всеволодовича брался книжниками прежде всего из житийных повестей о князьях, убитых в Орде. Анализ житий страстотерпцев даёт исследователям основания полагать, что «это – особый вид агиографии со своими

сандр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. С. 42–43; Рудаков В.Н. Память о святых князьях Михаиле Черниговском и Александре Невском в эпоху становления Русского царства и в период формирования Российской империи // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 84–87).

¹⁰¹ Усачёв А.С. Степенная книга... С. 621–626. Судя по всему, это соответствовало общему настрою эпохи: неслучайно в росписи московских соборов середины – второй половины XVI в. неканонизированные князья изображались наряду с уже причисленными к лицу святых (Самойлова Т.Е. Тема царской и княжеской святости в росписях Благовещенского собора // «Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле». Каталог выставки. М., 2003. С. 34–36; Самойлова Т.Е. Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004. С. 141. Ср.: Сизов Е.С. «Воображены подобия князей». Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. Л., 1969. С. 8).

¹⁰² Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 107.

¹⁰³ «Богомудрый же великий князь Александръ разуди, яко святый отец его Ярославъ» (Степенная книга... Т. 1. С. 526). В дальнейшем рассказ *СК* о хождении Александра Невского в Орду был в полном объёме заимствован при составлении Лицевого летописного свода (ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 134; Пресняков А.Е. Московская историческая энциклопедия XVI века. СПб., 1900. С. 138; Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 135–136).

¹⁰⁴ Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 148. В этом плане стоит согласиться с оценкой, согласно которой это был «период изощрённых исторических манипуляций, тенденциозного освещения ряда событий и личностей» (Пауткин А.А. Древнерусские святые князья... С. 218).

¹⁰⁵ Горский А.А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Горский А.А. «Бесчисленыя рати и великия труды...» С. 186.

(не обусловленными ритуальными функциями, политическими целями и иными внешними ограничениями) “литературными”, структурными признаками, достаточно устойчивым набором мотивов и образов. Именно структурные элементы определяют сущность этих житий»¹⁰⁶. Это относится и к поздним рассказам о кончине Ярослава Всеволодовича. Тем более что начиная с рассказа, отразившегося в *С1*, Особой редакции Жития Александра Невского и особенно в *СК*, речь шла о кончине подвижника, почти святого. Поэтому книжникам важно было показать типологическое сходство Ярослава Всеволодовича с его святыми «родниками», а для этого следовало упомянуть типические черты гибели князей-страстотерпцев. К ним могли быть отнесены «нужная» смерть «за христианы» и оговор со стороны соплеменника. В этом смысле действия, приписанные некоему Фёдору Яруновичу, очевидно, не связаны с развитием версии об отравлении Ярослава: рассказ о них имеет вполне литературное происхождение. Тем более что в *СК* «искали не достоверность или фактическую полноту повествования о прошлом, а наиболее приемлемую формулировку той или иной проблемы, идею, в “доброчестенности” которой можно не сомневаться, а подчас и образец литературного стиля»¹⁰⁷.

Серебрянский отмечал, что «московские агиографы и редакторы новых летописных сводов... на смерть Ярослава в Орде смотрели как на мученический подвиг за веру и за общерусские интересы», хотя в реальности всё «было гораздо и проще, и прозаичнее»¹⁰⁸. Действительно, книжники второй половины XVI в. смело видоизменяли или попросту игнорировали те подробности жизни и смерти великого князя, которые были известны из более ранних источников, не останавливаясь перед явными преувеличениями и даже вымыслом. Это соответствовало общим тенденциям развития русской книжности XVI в.¹⁰⁹ Вполне возможно, некоторые приёмы беллетризации рассказов об исторических событиях могли быть востребованы и ранее. Во всяком случае, анализ развития памяти о кончине великого князя Ярослава Всеволодовича даёт основания так полагать.

¹⁰⁶ Ранчин А.М. Вертоград Златословный... С. 119. Ср.: Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 49–50; Охотникова В.И. Псковская агиография XIV–XVII вв. Исследование и тексты. Т. 1. СПб., 2007. С. 524.

¹⁰⁷ Сиренов А.В. Степенная книга. История текста. М., 2007. С. 442.

¹⁰⁸ Серебрянский Н.И. Указ. соч. С. 171.

¹⁰⁹ См. подробнее: Горский А.А. «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о разорении Рязани Батыем», Никоновская летопись: о начале русской исторической беллетристики // Исторический вестник. 2023. Т. XLV. С. 156–171.